

Раффаэлла Вассена

Санкт-Петербург как ‘общественное зрелище’ в мемуарном дискурсе об эпохе Великих реформ

St. Petersburg as a ‘social stage’ in the memory discourse on the Era of the Great Reforms

Based on the premise, shared by many academics, that the city represents one of the most important places in which we implement the strategies to build and transmit the collective memory of an era, the author examines the characteristics of St. Petersburg in the memoirs related to the early sixties of the nineteenth century. In particular, the author focuses on the characterization of the public space of St. Petersburg as a ‘social stage’, and on the role that visual experience plays in the process of representing this space and of communicating its symbolic meaning to posterity.

“Зима 1861/1862 года была особенно богата в Петербурге наделавшими шума событиями, которые прошли на глазах у всех” (Шелгунов 1967: 171)

Многие ученые, от Ролана Барта до Анри Лефевра, определяли город то как “язык” (Barthes 1991: 53), то как “общественный текст” (Lefebvre 1977: 351), иными словами, как некую совокупность знаков, относящихся как к настоящему, так и к прошлому, которые можно и нужно слушать, читать, расшифровывать. В русской культуре городским текстом, который вызывал наибольшее число разнообразных ‘прочтений’, являлся Петербург: в известных исследованиях Московско-Тартуской семиотической школы отмечалась парадигматическая роль Петербурга в истории русской культуры, а также ‘театральность’ его архитектуры (см. Лотман 1984; Топоров 1984; Лотман 1987). Немало исследований посвящено ‘прочтениям’ петербургского ‘нарративного пространства’ в определенные исторические эпохи и анализу его отражения в русской художественной литературе¹. Меньшего внимания исследователей удостоилось изображение петербургского пространства в автобиографических и мемуарных текстах, или, точнее, то семиотическое значение, которое оно приобретает в мемуарном дискурсе².

Будучи далеко не документальным материалом, автобиографические и мемуарные произведения представляют

определенные образы петербургского пространства. Образы петербургского пространства неизбежно наполнялись представлениями и чувствами автора, отражая его социальное происхождение и статус, пол, возраст, идеологическую ориентацию, а также были попыткой реконструкции собственного опыта и включения этого опыта в контекст исторической коллективной памяти³. Как показывают исследования Пьера Нора (Nora 1984-1992), Мориса Хальбвакса (Halbwachs 2001: 215-256), Поля Рикёра (Ricoeur 2003: 205-215) и других ученых, коллективная память всегда воплощается в пространстве: в образах и в материальных предметах, в которых проявляется общий идентификатор социальной группы или народа. Поскольку ‘помнить’ – это действие социального свойства, оно близко связано с тем, как воспоминания разрабатываются, структурируются и вписываются в пространство. Город является одним из самых важных мест, в котором реализуются стратегии строительства и управления общественной памятью.

Исходя из этих теоретических положений, в данной статье мы рассмотрим характерные черты петербургского пространства в мемуарном дискурсе о шестидесятых годах XIX века, а также роль образов Петербурга в формировании коллективной памяти той эпохи. Мы постараемся, в частности,

¹ Расширенную библиографию о Петербурге см. в Buckler 2005.

² Важным исключением является исследование отражения Петербурга в мемуарах русских эмигрантов. Об этом см. Конечный 1996.

³ По мнению Мориса Хальбвакса, данная попытка присуща самому процессу воспоминания. См. Halbwachs 2001: 144.

охарактеризовать общественное пространство Петербурга как 'общественное зрелище', а также выделить ту функцию, которую визуальный опыт приобретает в процессе представления этого пространства и передачи его символического значения.

Нет необходимости подробно рассматривать хронику исторических событий этого периода (эта тема выходит за рамки данной статьи), для того, чтобы утверждать, что эпоха Великих реформ представляла собой особый 'переворот сверху', к которому неоднократно обращались в последующие годы советской и российской истории⁴. Процесс 'исторического восхваления' шестидесяти годов своими корнями уходит в последнее двадцатилетие XIX века (см. Родигина, Коркина 2012) и набирает основную мощь в бурный период, который предшествовал Октябрьской революции (1905-1917). Свой вклад в этот процесс внесли и мемуары шестидесятников, которые печатались начиная с восьмидесятых годов XIX века. В 1885-1886 гг. в журнале «Русская мысль» выходят воспоминания Н.В. Шелгунова, журналы «Современник», «Русская старина», «Минувшие годы», «Русское богатство», «Голос минувшего», и «Исторический вестник» печатают отрывки воспоминаний разночинцев, бывших студентов и участников освободительного движения. Между 1899 и 1919 гг. в «Русском вестнике» и в «Голосе минувшего» печатаются дневники и записки Е.А. Штакеншнейдер⁵. За короткий период выходят мемуары Л.Ф. Пантелеева *Из воспоминаний прошлого* (в 1905-1908 гг.) и *На заре жизни* Е.Н. Водозовой (в 1911 г.): эти тексты посвящены преимущественно истории революционного движения шестидесяти годов. В те же годы

печатаются и мемуары тех, кто чужд революционному движению, но чьи воспоминания, тем не менее, важны для понимания духа эпохи Великих реформ, среди них и представители литературного мира – П.Д. Боборыкин (в 1906-1913 гг.), А.М. Скабичевский (в 1907 г.), К.Ф. Головин (в 1908-1910 гг.), и чиновники – А.А. Пеликан (в 1914 г.), есть и представители знати – графиня Е.Ф. Юнге (в 1914 г.).

Характерной чертой мемуарного дискурса, посвященного шестидесяти годам, является, с одной стороны, яркое выражение радости, надежды и тревоги, которые охватили все слои русского общества после начала реформ, а, с другой стороны, опасение о том, что на письме невозможно передать чрезвычайную атмосферу того периода:

Будущий историк этого времени [шестидесяти годов - Р.В.] должен быть большим художником, чтобы прочувствовать и передать, в достаточно ярких красках, то незабвенное время, одно воспоминание о котором заставляет радостно биться сердца, время, полное юных и светлых иллюзий, время подъема духа, бодрости, энтузиазма, - передать и ту поражающую быстроту, с которой совершалось это движение. (Юнге 1914: 214. См. также Шелгунов 1967: 138; Штакеншнейдер 1934: 284, 299)

Эти слова Е.Ф. Юнге словно говорят о том, что для передачи атмосферы шестидесяти годов требуется язык не столько описательный, сколько изобразительный, художественный: язык, способный передать в образах то, что нельзя выразить словами. То, что происходит в эти годы в России, прежде всего, поражает взгляд. Действительно, перемены, вызванные началом реформ, не только потрясли экономическую, политическую и общественную структуру России, но одновременно сказывались и на внешнем облике городов и деревень, на поведении и на наружности людей, на явлениях культуры и искусства. Главным признаком общественной жизни шестидесяти годов стала 'публичность'. Не ограничиваясь

4 См. Захарова 2005. Ярким примером является понятие 'гласности', впервые распространившееся в эпоху Великих реформ (со значением "известность, общеизвестность, оглашение, огласка", см. Даль 1863: 314), а затем ставшее символом Перестройки. Месту эпохи Великих реформ в советской историографии посвящено немало исследований. Анализ различных позиций приведен в Глисон 1992.

5 Несмотря на их название, Дневник и записки Е.А. Штакеншнейдер основаны большей частью не на непосредственных впечатлениях, а на воспоминаниях. Начиная с 1860 г. Штакеншнейдер обратилась к жанру записок, которые впоследствии перерабатывала в воспоминания (см. Розанов 1934: 23).

пределами частного пространства домов или литературных салонов и кружков, эта жизнь стала заметна и в городском, общедоступном пространстве⁶.

Таким образом, в мемуарном дискурсе, касающемся эпохи Великих реформ, петербургское публичное пространство становится не просто фоном для событий, но структурообразующей и смыслообразующей категорией. Не только житель Петербурга стал свидетелем событий, ранее ему недоступных, но и весь Петербург, сердце культурной, общественной и политической жизни тех лет, приобрел черты 'города-зрелища'⁷, который становится выставкой самого себя, в полном осознании того, что за ним наблюдают: некоторая совокупность мест, которые становятся в сознании мемуаристов "значительными единицами" (Нога 1996: XVII), символами эпохального переворота, запущенного начавшимися реформами.

Пространственная память шестидесятников сказывается и на самой структуре мемуаров. В книге *Из воспоминаний прошлого*, написанной в 1903-1904 гг. бывшим членом организации *Земля и воля* Л.Ф. Пантелеевым (1840-1919), который в начале 1860-х гг. был студентом юридического факультета Санкт-Петербургского университета, уделяется особое внимание расположению описываемых событий в петербургском пространстве. Очерки носят такие названия как *Приезд в Петербург*, *Студенческая библиотека*, *Думская история*, *Петербургские пожары*. Стоит автору упомянуть определенные

петербургские места, связанные с историей революционного движения, как в памяти всплывает ряд событий общественного и политического характера. Например, в очерке под названием *Студенческая библиотека*, вспоминая о том, что читали студенты в помещении библиотеки, автор считает 'уместным' упомянуть о лондонских изданиях Герцена и об их влиянии на русскую молодежь (Пантелеев 1905-1908: 56). Далее, описывая публичные литературные чтения и городские залы, в которых они проходили, Пантелеев упоминает о зале Руадзе на Большой Морской улице, при мысли о котором "невольно вспоминается" (Пантелеев 1905-1908: 155) литературный вечер 2 марта 1862 г.⁸

Зал Руадзе – это только один из тех городских залов, в которых в начале шестидесятых годов проводятся публичные литературные чтения, литературные спектакли, публичные лекции и диспуты, танцевальные вечера, концерты, маскарады, благотворительные инициативы разного рода и другие явления, характеризующие дух той эпохи. В дневниках и воспоминаниях того периода часто упоминаются также зал Бенаркади на Невском проспекте, зал Кредитного общества перед Александринским театром, зал Городской Думы на Думской улице, зал Благородного собрания в Доме Елисеева у Полицейского (ныне Зеленого) моста. Особое значение приобрел зал, расположенный в Пассаже со стороны Итальянской улицы, где 10 января 1860 г. состоялось первое публичное литературное чтение (по словам Е.А. Штакеншнейдер "событие". См. Штакеншнейдер 1934: 245)⁹, на котором впервые публично выступили

6 О значении и роли 'публичности' в эпоху Великих реформ см. Lovell 2013.

7 Понятие 'города-зрелища' или 'города-театра' встречается, как у Лотмана, так у других теоретиков городского пространства. См., например, идею В. Бенямина о городе как о ряде топосов (Schauplätze), которые становятся сценами, аренами, где разворачиваются события, образуя прерывистый нарратив его жизни (см. Бенямин 2005: 166-167). См. также определение Э. Лефевром "дороги" как "места прохода, взаимовлияния, круговорота и общения", которое лишает все вещи их частного характера, "выносит их на сцену некоего импровизированного театра" (Lefebvre 1977: 355). Интересное сопоставление идей Лотмана о семиотике города с другими теоретическими концепциями городского пространства см. в Турома 2009. В эпоху Великих реформ Москва тоже меняет свой облик (см. например Давыдов 1913: 28 и след.). Тем не менее в мемуарах о Москве шестидесятых годов элементы 'зрелища' менее заметны, нежели в мемуарах о Петербурге.

8 На литературном вечере 2 марта 1862 г. историк П.В. Павлов произнес речь под названием Тысячелетие России. Текст, предварительно просмотренный цензурой, содержал идею, согласно которой жалкие условия, в которых всегда проживал русский народ, привели к реальной ситуации для возникновения народного бунта, но, по счастью, проведенные царем реформы предотвратили его. И тем не менее, шум и возбуждение публики в зале Руадзе благоприятствовали превратному пониманию речи Павлова. Смысл был совершенно искажен, что спровоцировало в зале настоящую массовую истерию, в результате которой был арестован Павлов.

9 По словам П.И. Вейнберга первое литературное чтение 10 января 1860 г. было "невиданное и необычайно привлекательное зрелище" (Вейнберг 1895: 96).

И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов, Я.П. Полонский и другие литераторы. В мемуарах зал Пассажа приобретает различные функции сообразно личности автора и ее интересам. П.Д. Боборыкин, тогда еще начинающий писатель и журналист, увлеченный театром, в своей книге *За полвека (1836-1921)*, написанной им в 1910-е гг., пишет о Пассаже, где проходят любительские театральные постановки, почти как о живом существе, участвующем в городской жизни (Боборыкин 2003: 188). Тот же подход мы находим и в книге юриста и оратора А.Ф. Кони (1844-1927) *Петербург. Воспоминания старожила* – замечательном путеводителе по Петербургу шестидесятих годов, написанном в начале 20-х годов XX века, где Пассаж становится символом успешного взросления русского общества для “публичности” (Кони 1922: 55-56). В Петербурге шестидесятих годов отражается то душевное состояние, которое в воспоминаниях определяется то как “стремление к простору” (Шелгунов 1967: 131), то как “опьянение” (Юнге 1914: 215), то как “что-то гипнотизирующее” (А. Р. 1901б: 645), то как “разудалое веселье” (Водовозова 1964: 38). В *Литературных воспоминаниях* А.М. Скабичевского Петербург изображается почти как живой человек, шумный, занятый развлечением и кутежом в кафе, ресторанах, клубах азартной игры:

Замечательно, что, несмотря на все ужасы бунтов, пожаров и польского восстания, все пустились в какое-то бешеное веселье. Города горели, крестьян пороли и расстреливали, поляков вешали и тысячами ссылали в сибирские тундры, а Петербург пил, пел и плясал. (Скабичевский 2001: 282-283)

В глазах писательницы М.М. Мариной (псевдоним М.М. Бардаковой) и бывшего гимназиста А.А. Пеликана (будущего дипломата и цензора) запечатлен торжественный вид столицы, освещенной “роскошной, эффектной иллюминацией” (Марина 1914: 688), привлекающей на центральные улицы “громадную толпу рабочего, мастерового люда” (Марина 1914: 689). Столица вспоминается украшенной в праздничные дни цветными фонариками на

балконах, свечами в окнах присутственных мест и обывательских домов, бюстами и гирляндами зелени в витринах лучших магазинов Невского проспекта и Большой Морской улицы (Марина 1914: 689; Пеликан 1914: 160). Мемуаристы изображают Петербург шестидесятих годов кишашим бродячими танцорами и актерами, устраивающими танцы и любительские спектакли на каждом углу, и оркестрами, исполняющими на своих плохих струнных инструментах *Персидский марш* И. Штрауса. Петрушки, пестрые лавки, улочки и дворы, наполненные криками продавцов всяких разных лакомств, “огромные толпы народа, веселого, оживленного, празднично настроенного” (Марина 1914: 689), гуляющего по улицам центра и просматривающего очередной аттракцион (Марина 1914: 692 и след.; Кони 1922: 19-20). Жизнь петербургского жителя шестидесятих годов отмечена ежедневно зрительными опытами, которые предлагает ему столица. Ему предоставлена возможность любоваться проездом членов императорской семьи по Невскому проспекту, “беспрепятственно видеть вблизи” (Марина 1914: 692) торжественный въезд в город будущей императрицы Марии Федоровны, а также видеть царя-освободителя “или едущим в коляске или в санях по улицам столицы или же гуляющим пешком от 2-х до 3-х часов пополудни в Летнем саду” (Марина 1914: 692).

Визуальный опыт петербургского жителя не ограничивается любованием императорской властью, он подкрепляется и явлениями повседневной жизни. В мемуарном дискурсе ‘зрелищами’ представляются и публичные казни¹⁰, вид студентов, демонстративно одетых в чамарку и в польскую конфедератку или в русскую поддевку (Свиньин 1890: 11-12; Златовратский 1911: 168), а также открытие

10 Из воспоминаний неизвестного студента, присутствовавшего на публичной казни в 1862 г.: “Не умею объяснить, что именно побудило меня отправиться на это потрясающее зрелище [...]. Дело было очень ранним утром; тем не менее, когда мы пришли на Конную площадь, где назначено было совершение казни, народа было уже там видимо-невидимо. Толпа состояла из людей всякого звания, но преобладало простонародье; были тут же и дети, которых старшие поднимали на руках, чтобы и им было видно” (А. Р. 1901а: 373-374).

новых магазинов, за прилавками которых впервые появляются бывшие офицеры, вышедшие из армии, бывшие чиновники или молодые нигилистки. Шелгунов вспоминает, “как Петербург был изумлен”, когда за прилавком книжного магазина Серно-Соловьевича на Невском впервые появилась красивая девушка со стриженными волосами и в синих очках:

Теперь тысячи женщин стоят за прилавками и для этого не нужно ничего, кроме нужды. Но тогда и стоянье за прилавком было идейным делом, было практической пропагандой нового поведения, демократическим отрешением от сословности и предрассудков, прав рождения. (Шелгунов 1967: 134)

Петербург превращается в город-витрину, где общение и коммуникация состоят не столько из слов, сколько из жестов, проходящих у всех на глазах. На петербургской сцене разыгрывается и политическая жизнь. В начале шестидесятых годов проходят первые демонстрации на улицах. Наиболее часто фигурируют в воспоминаниях похороны Т.Г. Шевченко в феврале 1861 г. и панихида по убитым польским студентам в католическом храме Св. Екатерины на Невском проспекте в том же месяце (Костомаров 1990: 535-537; Штакеншнейдер 1934: 338; Пантелеев 1905-1908: 72-73), первые публичные аресты во время студенческого восстания осенью 1861 г., первые суды по политическим мотивам над известными лицами, например, суд над М.Л. Михайловым, в день которого, как пишет Шелгунов, толпа стояла “у ворот Галерной, и в самых воротах и на задней лестнице сената” (Шелгунов 1967: 163)¹¹. В силу своей публичности эти события обострили общую ситуацию общественного и политического конфликта, которая описывается свидетелями, как разыгрываемая перед публикой сцена: Штакеншнейдер называет ее “трагикомедией” (Штакеншнейдер 1934: 300), А.В. Никитенко – “нелепой, печальной

драмой” (Никитенко 1955: 213), А.П. Керн – “кровавой комедией” (Керн 1974: 247)¹².

Главными актерами разыгрывающейся драмы шестидесятых годов являются студенты, а главной сценой – Санкт-Петербургский университет. С этим “зрелищем несметной толпы” (Скабичевский 2001: 168) связано одно малоизученное до сих пор событие, которое в мемуарах приобретает особое значение. Это первая уличная массовая демонстрация политического характера в истории Петербурга и всей России, состоявшаяся 25 сентября 1861 г.¹³ Если рассматривать, как о событиях 25 сентября 1861 г. повествуется в мемуарах, и сопоставить эти воспоминания с дневниковыми записками того времени, то можно обнаружить в них существенное различие, укрепляющее наше предположение о главной роли пространственно-визуальной памяти в мемуарном дискурсе об эпохе Великих реформ.

В конце недели студенческих волнений, вызванных введением новых ограничительных правил обучения¹⁴, утром 25 сентября 1861 г., обнаружив двери университета закрытыми по приказу Министра Народного Просвещения, сотни студентов¹⁵ отправились через Дворцовый мост по Невскому проспекту к дому попечителя Санкт-Петербургского университета генерала Г.И. Филипсона в Колокольном переулке. Тут студентов уже ждали жандармы и полицейские, которые сразу окружили их. Когда генерал Филипсон вышел встречать студентов, он попросил их вести переговоры не на улице, а в здании университета. Студенты согласились, но при условии, что Филипсон пойдет вместе с ними. Итак, толпа студентов, впереди которых шел Филипсон, отправилась

¹² Характерно, что в воспоминаниях одного анонимного студента говорится также о “карикатурной стороне петербургского настроения той эпохи” (А. Р. 1901а: 384).

¹³ “Первой уличной демонстрацией” назвал ее в тот же день Министр внутренних дел П.А. Валуев (см. Валуев 1961: 117).

¹⁴ Согласно этим правилам, запрещались студенческие сходки, прекращалось бесплатное образование для нуждающихся студентов, и отстранялись представители студентов от управления такими учреждениями как например библиотека и студенческая касса.

¹⁵ К студентам Санкт-Петербургского университета присоединилось также несколько офицеров и студентов Медико-Хирургической Академии.

¹¹ О толпе, стоявшей на улице в ожидании прочтения приговора Михайлова, см. также Лемке 1923: 132.

обратно на Набережную, сопровождаемая любопытными взглядами прохожих.

Все отчеты о событиях 25 сентября 1861 г. характеризуются осознанием чрезвычайности происходящего, которое может иметь важные последствия для дальнейшей истории страны. Все же, если в дневниках это мнение выражено явным образом¹⁶, то в мемуарах оно передается читателю при помощи скорее визуального, нежели вербального языка. Мемуаристы останавливаются на визуальном восприятии событий, предоставляя читателю все пространственные координаты, чтобы он тоже смог 'увидеть' проход студентов по улицам Петербурга и осознать его значимость.

В дневниках драматичность событий 25 сентября 1861 г. усиливается чувством растерянности, который царил в петербургском обществе в те дни¹⁷. Дневники Никитенко предоставляют читателю возможность как бы заглянуть в окно, а затем спуститься на улицу, где его взгляд поражает в первую очередь одежда демонстрантов и их красноречивая мимика.

В четверть первого на улице, где я живу [Владимирская], показалась огромная толпа молодых людей с голубыми воротниками и такими же околышками на фуражках. За ними по пятам следовал отряд жандармов и масса народа. Толпа повернула в Колокольную улицу и стеснилась около квартиры попечителя университета. То были наши студенты, но кое-где мелькали между ними и партикулярные платья и мундиры офицерские и медицинских студентов. Я поспешно оделся и отправился на место действия. Туда спешил еще отряд пожарной команды. Здесь разыгрывалась нелепая и печальная драма студенческих буйств. Толпа пришла к попечителю требовать

¹⁶ "История встающей России началась. Этот день запишут и долго, долго будут помнить" (Менделеев 1951: 178). В дневниках П.А. Валуева за 25 сентября 1861 г. передан комментарий Н. К. Краббе: "Через Рубикон перешли" (Валуев 1961: 117).

¹⁷ События 25 сентября происходят в отсутствие императора Александра II, который вернется из Крыма только 18 октября 1861 г. Ср. Милютин 1999: 153.

отмены разных университетских постановлений.

Когда я приблизился к квартире Филипсона, толпа сильно волновалась и неистово кричала посреди улицы. Жандармы ее оцепили. В хаосе криков нельзя было разобрать отдельных слов, но жесты, маханье платками, палками, шляпами свидетельствовали об исступлении, в каком находились молодые люди. [...] Наконец, после долгих - я думаю, с полчаса продолжавшихся - криков и смятения толпа двинулась к университету, и попечитель во главе ее. Я взял извозчика и отправился туда же. (Никитенко 1955: 213-214)

Та же степень волнения отражена в дневниках А.П. Керн, где рассказывается о студенческих волнениях и передаются 'слухи', распространяющиеся по всему Петербургу, о возможных контрмерах правительства. В дневниках же гимназиста В.Н. Чемезова (1845-1911) выделяется трепет наивного шестнадцатилетнего юноши, который смотрит на события, не понимая их значения. Возмущение, вызванное арестом студентов, сочетается с сетованиями по поводу беспорядков и со страстным выражением веры в царя:

Придя к его дому (где-то во Владимирской), они послали депутатов. Чин говорит, что попечителя дома нет. Посылают второй раз. То же. Третий раз; то же. Наконец, студенты вышли из терпения и начали кричать, стучать, свистать, вызывая этого подлеца, каким он вскоре оказался. Видя, что толпа не успокаивает, но все более и более шумит, Филипсон принужден был выйти и объявить, что он со всей толпой говорить не может, а пусть депутатов трех выберут, с ними он согласен разговаривать. Студенты кричат, что он их посадит в крепость. Благородный генерал-адъютант дает такое же благородное, честное слово, что он этого не сделает с депутатами. [...] В ту ночь [...] их отправили в крепость, где они находятся до сих пор. Все это было сделано по прошению Филипсона. Вот как в наше время

генерал-адъютанты держат честное слово.

[...] Теперь весь город наполнен рассказами о нем [об университете - Р.В.], часто весьма нелепыми. Так, например, говорят, будто студенты сорвали портрет императора и начали его топтать, плевать, рвать. Может ли это быть? Император тут ни в чем не виноват, след. Ему нечего мстить. [...] Добрый государь! (Эйдельман 1975: 54-55, 56, 57)

В мемуарах крайнее возбуждение тех дней заметно смягчается. Последовательность событий выглядит более линейной, многие детали исчезают и затихают те 'слухи', служившие фоном дневниковых записок. Мемуарный дискурс о 25 сентября 1861 г., независимо от идеологической установки авторов, характеризуется двумя элементами. Первое – это топографическая точность, с которой описывается нарушение студентами публичного городского пространства. Мемуаристы обходят молчанием длинные переговоры студентов с попечителем, но подробно отмечают места на пути демонстрации к дому Филипсона, и на обратном пути к университету:

Толпа двинулась чрез Дворцовый мост по Невскому проспекту и Владимирской улице в Колокольный переулок, где жил генерал Филипсон. (Милютин 1999: 163)

Несколько тысяч студентов, расположившись в стройные и размеренные колонны, двинулись через мост по Невскому проспекту, заняв весь его северный тротуар, повернули на Владимирскую и заполнили всю Колокольную улицу. Когда голова процессии выровнялась с Казанским собором, конец ее был еще на Дворцовом мосту. (Николадзе 1927: 38-39)

...попечитель пошел пешком в сопровождении студентов на Невский и только близ Гостинного двора ему можно было сесть на дрожки, которые проследовали потом, под эскортом студентов, шаг

за шагом чрез Дворцовый мост в университет. (Спасович 1872: 26)

Второй элемент, объединяющий все рассказы свидетелей – это театральность описываемой сцены. В рассказах свидетелей демонстрация 25 сентября 1861 г. приобретает торжественный характер. Студенты двигаются "медленным" (Шелгунов 1967: 149), "длинным [...], спокойным [...], страшным"¹⁸, "торжественным"¹⁹, "величественным" (Менделеев 1951: 174), "благопристойным" (Эйдельман 1975: 55) шагом. В мемуарах выделяется "публичность" шествия студентов, его открытый характер. По определению Шелгунова, демонстрация 25 сентября 1861 г. является "никогда еще не виданным зрелищем" (Шелгунов 1967: 149), проходящим на глазах как правительственных органов (Милютин 1999: 163), так и простых любопытных прохожих:

На улице собралась толпа, любопытная, удивленная (Штакеншнейдер 1934: 296).

Студенты длинной колонной, в ширину панели, шли медленно по Невскому, привлекая толпы любопытных, не понимавших, что эта за процессия и куда она направляется. (Шелгунов 1967: 149)

[Молодые люди - Р.В.] отправились по несколько человек в ряд длинной колонной чрез Невский Проспект, сопровождаемые множеством любопытных, не постигающих цели этой процессии. (Спасович 1872: 25)

Публика оглядывалась, больше улыбалась и расспрашивала участников процессии. Ни одна лавка не закрывалась, и на всем протяжении Невского до Владимирской и дальше до Колокольной никто не разгонял

¹⁸ "И так двинулись они пешком две тысячи человек длинным, спокойным шествием, от университета по Невскому, в Колокольную улицу" (Штакеншнейдер 1934: 295-296); "25-ого пошли студенты своим страшным ходом в Колокольную" (Штакеншнейдер 1934: 299).

¹⁹ См. письмо П.А. Кропоткина А.А. Кропоткину за 4 октября 1861 г. (Кропоткины 1932-1933: 238).

студентов. (Боборыкин 2003: 216)

Во всем этом на взгляд стороннего зрителя не было ничего похожего на 'бунт', на 'разгром' и даже на воинственную 'манифестацию'. Для простой публики было даже невдомек, что, собственно, тут происходит? (Боборыкин 2003: 217)

При появлении нашем около Морских улиц и далее, по Невскому, французские парикмахеры выбегали из своих магазинов и с оживленными лицами, сверкая глазами и весело потирая руки восклицали: "Révolution! Révolution! V'là! Ça commune! Ça y est! Voyons! Voyons!" (Сорокин 1906: 455)

В силу своего намеренно показного характера демонстрация 25 сентября 1861 г. вызвала жестокую реакцию власти: ночью с 25 на 26 сентября многие студенты были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. Только два дня спустя, 27 сентября, перед университетом собралось более шестисот студентов, к которым присоединилась толпа любопытных (ср. Мавродин 1945: 33): произошли столкновения между студентами и полицией, за которыми последовали новые аресты и, далее, временное закрытие Санкт-Петербургского университета. За несколько недель студенческие волнения затронули Москву и прокатились по провинции (подробнее об этом см. Эймонтова 1993: 53-69).

Значение, которое университетские беспорядки осени 1861 г. принимают в

мемуарах 'поколения шестидесятых годов', нельзя считать чисто документальным: большая часть мемуаров обходит молчаливо детали, которые в свою очередь передаются в дневниках, и подчеркивает символическое значение нарушения студентами публичного пространства и зрелище, которым демонстрация явилась в глазах петербуржцев. Можно заключить, что новое общественное сознание петербургского жителя шестидесятых годов зарождается прежде всего от проникновения – не столько физического, сколько визуального – в до тех пор закрытое для него пространство, от возможности 'видеть' и 'показать себя' в пространстве, которое наконец стало 'публичным'. Зрелище 25 сентября 1861 г., с одной стороны, побуждает мемуаристов осознать произошедшее в российском обществе шестидесятых годов изменение, а, с другой, – вызывает более зрелое осознание собственной роли в этом обществе. Роль зрителя возлагает на мемуариста ответственность за то, чтобы дать читателю возможность тоже стать непосредственным свидетелем событий. Таким образом, мемуарист оказывается одновременно зрителем и постановщиком общественного петербургского зрелища шестидесятых годов, действующим лицом и автором воспоминания, которое является уже не индивидуальным, а коллективным.

Библиография

- А.Р. 1901а: А.Р., *Былое: Из воспоминаний о пятидесятих и шестидесятих годах*, «Русская старина», 1901, № 11, с. 371-388.
- А. Р. 1901б: А. Р., *Былое: Из воспоминаний о пятидесятих и шестидесятих годах*, «Русская старина», 1901, № 12, с. 635-647.
- Беньямин 2005: В. Беньямин, *Берлинская хроника // Е. Павлов, Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама*, НЛО, Москва, 2005.
- Боборыкин 2003: П.Д. Боборыкин, *За полвека. Воспоминания*, Захаров, Москва, 2003.
- Валуев 1961: П.А. Валуев, *Дневник П.А. Валуева Министра внутренних дел: В 2 томах*, т. 1, Изд. Академии Наук СССР, Москва, 1961.
- Вейнберг 1895: П.И. Вейнберг, *Литературные спектакли (Из моих воспоминаний) // Ежегодник императорских театров, сезон 1893-1894*, 1895, № 3, с. 96-108.
- Водовозова 1964: Е.Н. Водовозова, *На заре жизни: В 2 томах*, т. 2, Гослитиздат, Москва, 1964.
- Глисон 1992: Э. Глисон, *Великие реформы в послевоенной историографии // Л.Г. Захарова, Б. Эклоф, Й. Бушнелл (сост.), Великие реформы в России. 1856-1874*, Изд. Московского университета, Москва, 1992, с. 8-23.
- Головин 1908-1910: К.Ф. Головин, *Мои воспоминания: В 2 томах*, Тип. 'Колокол', Санкт-Петербург, 1908-1910.
- Даль 1863: В.И. Даль, *Толковый словарь живаго Великорусскаго языка*, ч. 1, Об.во любителей российской словесности, Москва, 1863.
- Давыдов 1913: Н.В. Давыдов, *Из прошлого*, Тип. И.Д. Сытина, Москва, 1913.
- Захарова 2005: Л.Г. Захарова, *Великие реформы 1860-1870-х годов: поворотный пункт российской истории?*, «Отечественная история», 2005, № 4, с. 151-167.
- Златовратский 1911: Н.Н. Златовратский, *Как это было. Очерки и воспоминания из эпохи 60-х годов. Рассказы о детях освобождения. Детские и юные годы*, Тип. И.Д. Сытина, Москва, 1911.
- Керн 1974: А.П. Керн, *Воспоминания – Дневники – Переписка*, Худож. лит., Москва, 1974.
- Конечный 1996: А. Конечный, *Петербург 'с того берега' (в мемуарах эмигрантов первой вольны) // Блоковский сборник, XIII*, Тарту, 1996, с. 128-146.
- Кони 1922: А.Ф. Кони, *Петербург. Воспоминания старожила*, Атений, Петербург, 1922.
- Костомаров 1990: Н.И. Костомаров, *Исторические произведения. Автобиография*, Лыбидь, Киев, 1990.
- Кропоткины 1932-1933: П. и А. Кропоткины, *Переписка: В 2 томах*, т. 1, Academia, Москва; Ленинград, 1932-1933.
- Лемке 1923: М. Лемке, *Политические процессы в России 1860-х гг. (по архивным документам)*, Гос. изд., Москва; Петроград, 1923.
- Лотман 1984: Ю.М. Лотман, *Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам*, вып. XVIII, Тарту, 1984, с. 30-45.
- Лотман 1987: Ю.М. Лотман, *Архитектура в контексте культуры*, «Architecture and Society/Архитектура и общество», 1987, № 6, с. 8-15.
- Мавродин 1945: В.В. Мавродин, *Ленинградский университет: 1819-1944*, Советская наука, Москва, 1945.
- Марина 1914: М. Марина, *В Петербурге 60-х годов прошлого столетия*, «Русская старина», 1914, 157, № 3, с. 686-702.
- Менделеев 1951: Д.И. Менделеев, *Дневник 1861 г. // Х.С. Коштыянец (ред.), Научное наследство: Естественнонаучная серия: В 4 томах*, т. 2, Изд. Академии Наук СССР, Москва, 1951, с. 111-212.

- Милютин 1999: Д.А. Милютин, *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1860-1862*, Студия ТРИТЭ, РИО «Российский Архив», 1999.
- Никитенко 1955: А.В. Никитенко, *Дневник*: В 3 томах, т. 2, Гос. изд. худож. лит., Москва, 1955.
- Николадзе 1927: Н.Я. Николадзе, *Воспоминания о шестидесятих годах*, «Каторга и ссылка», 1927, № 4, с. 29-52.
- Пантелеев 1905-1908: Л.Ф. Пантелеев, *Из воспоминаний прошлого*, Тип. М. Меркушева, Санкт-Петербург, 1905-1908.
- Пеликан 1914: А.А. Пеликан, *Во второй половине XIX века*, «Голос минувшего», 1914, № 3, с. 155-199.
- Родигина, Коркина 2012: Н.Н. Родигина, М.А. Коркина, *Юбилей реформ Александра II как феномен общественной жизни России второй половины XIX в. // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей*, Изд.во Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, 2012, с. 240-261.
- Розанов 1934: И.Н. Розанов, Е.А. Штакеншнейдер и ее дневники // Е.А. Штакеншнейдер, *Дневник и записки*, Academia, Москва, 1934, с. 7-27.
- Скабичевский 2001: А.М. Скабичевский, *Литературные воспоминания*, Аграф, Москва, 2001.
- Сорокин 1906: Вл. Сорокин, *Воспоминания старого студента (1858-1862)*, «Русская старина», 1906, 128, № 11, с. 443-472.
- Спасович 1872: В.Д. Спасович, *За много лет. 1859-1871*, Тип. Ф. Сушинского, Санкт-Петербург, 1872.
- Свиньин 1890: И.А. Свиньин, *Воспоминания студента 60-х годов, за 1862-1865 гг.*, скл. изд. у Ивана Аполлоновича Свиньи́на, Тамбов, 1890.
- Топоров 1984: В.Н. Топоров, *Петербург и петербургский текст русской культуры // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам*, вып. XVIII, Тарту, 1984, с. 4-29.
- Турома 2009: С. Турома, *Семиотика городского пространства Ю.М. Лотмана: опыт переосмысления*, «НЛО», 2009, № 98, с. 66-76.
- Шелгунов 1967: *Воспоминания Н.В. Шелгунова // Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов, Воспоминания*: В 2 томах, т. 1, Худож. лит., Москва, 1967, с. 49-324.
- Штакеншнейдер 1934: Е.А. Штакеншнейдер, *Дневник и записки*, Academia, Москва, 1934.
- Эйдельман 1975: Н.Я. Эйдельман, *Дневник гимназиста 1860-х гг. // Археография и источниковедение Сибири*, вып. 1, Изд. Наука, Сибирское отделение, Новосибирск, 1975, с. 47-63.
- Эймонтова 1993: Р.Г. Эймонтова, *Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века*, Наука, Москва, 1993.
- Юнге 1914: Е.Ф. Юнге, *Воспоминания*, Сфинкс, Москва, 1914.
- Barthes 1991: R. Barthes, *Semiologia e urbanistica*, in R. Barthes, *L'avventura semiologica*, Einaudi, Torino, 1991.
- Buckler 2005: J.A. Buckler, *Mapping St. Petersburg. Imperial Text and Cityshape*, Princeton University Press, Princeton and Oxford, 2005.
- Halbwachs 2001: M. Halbwachs, *La memoria collettiva*, Unicopli, Milano, 2001.
- Lefebvre 1977: H. Lefebvre, *Critica della vita quotidiana*, t. 2, Dedalo Libri, Bari, 1977.
- Lovell 2013: S. Lovell, *Glasnost' in Practice. Public Speaking in the Era of Alexander II*, «Past and Present», 2013, 218, pp. 127-58.
- Nora 1984-1992: P. Nora, *Les Lieux de mémoire*, 7 vols., Edition Gallimard, Paris, 1984-1992.
- Nora 1996: P. Nora, *From lieux de mémoire to realms of memory*, in P. Nora, L.D. Kritzman eds., *Realms of memory: Rethinking the French past*. Vol. 1: *Conflicts and divisions*, Columbia University Press, New York and Chichester, 1996, pp. XV-XXIV.
- Ricoeur 2003: P. Ricoeur, *La memoria, la storia, l'oblio*, Raffaello Cortina Editore, Milano, 2003.